

ние пропорций золота (или серебра) путем присоединения его к другому металлу (*diplosis*) повлекло за собой идею о том, что *золото* и *серебро* являются сплавами, которые возможно воспроизвести и приумножить, вызывая в смесях метаморфозы, сходные с *брожением* и *размножением*. Если к этому прибавить все-таки еще неважную технику различений чистых металлов и их сплавов, неопределенно и неоднозначно именуемых *aes*, *electrum*, *azem*, станет понятна столь массовая аберрация. Одних только «аземов» (помимо естественного сплава *золота* и *серебра*) существовала добрая дюжина. Ничто в большей степени не способствует облегчению мошенничества, чем подобная путаница: она тоже тщательно поддерживалась поддельвателями. Равно и наоборот (что легко понять) — она проникала через продукты, перерабатываемые в алхимических операциях, в сознание самих работников. Теории философских школ о первовеществе, неизменном во всех телах, но приобретающем настоящую форму через присоединение основных качеств, выражаемых четырьмя элементами, поддерживали и поощряли это смешение. Таким образом, работники, привыкшие к составлениям сплавов в подражание *золоту* и *серебру*, иногда столь совершенных, что они вводили в заблуждение их самих, в конечном счете уверовали в возможность эффективного производства этих металлов во всем их совершенстве с помощью некоторых комбинаций сплавов и некоторых операций, исполненных с помощью сверхъестественных сил, высших властительниц всяческих превращений (с. 23). Так думает Бертло. Здесь уже не простая аберрация, а такая именно, которая подкрепляется космологическим аристотелизмом, формирующим качественную предметность — многоцветную вещественность².

Итак, «теория обманутого обманщика», вызывающая глубокие сомнения даже у её автора — самого Бертло (там же).

Иногда ремесленникам *Папирусов* случалось использовать те же формулы, что и в алхимических манускриптах. И, действительно, именно здесь орудия обмана и мошенничества противостояли ничему не подозревающей публике. Но как ремесленники могли так долго верить в то, что они могут действительно ремесленной практикой или магическими формулами достичь реального изменения облика? — спрашивает Бертло. — Это было интеллектуальное состояние, которое приводит нас в недоумение (там же). Так что же: вольный или невольный обман, погружение в многовековое гипнотическое состояние? Но вопрос остается: как же все-таки техника аурификации обернулась мистикой аурификации? Дж. Нидэм на этот вопрос отвечает примерно так. Во-первых, он отвергает навязчивую идею первых историков химии, считавших, что алхимики и ремесленники образовывали однородную группу. Во-вторых,

² И все-таки, согласно А. Гопкинсу, Бертло всегда исходит из несомненности того обстоятельства, что ремесленники, для которых были написаны эти рецепты, стали впоследствии истинными алхимиками (с. 23; Hopkins, 1934).